

Этнология, антропология и этнография

УДК 39(571.1)

DOI 10.37386/2413-4481-2023-3-101-108

Елена Петровна Батьянова

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, elena-batyanova@yandex.ru

КУЗНЕЦКИЕ ТЕЛЕУТЫ В ДНЕВНИКАХ И ЗАПИСКАХ ИСТОРИКОВ И ЭТНОГРАФОВ. К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭТНОЛОКАЛЬНОЙ ГРУППЫ

Аннотация. В статье охарактеризована этнокультурная специфика кузнецких телеутов, представляющих территориальное подразделение одного из коренных малочисленных народов Сибири – телеутов. Прослежены локальные особенности развития этнической культуры кузнецких телеутов в XX–XXI веках. Источниковую базу статьи составили архивные документы, содержащие записки, отчеты, дневники этнографов-алтаеведов: А.В. Анохина, П.И. Каралькина, А.Г. Данилина. Используются также полевые материалы автора.

Ключевые слова: кузнецкие телеуты; этнолокальная группа; архивные документы; А.В. Анохин; П.И. Каралькин; А.Г. Данилин; полевые материалы.

Yelena P. Batyanova

The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Moscow, elena-batyanova@yandex.ru

KUZNETSK TELEUTS IN THE DIARIES AND NOTES OF HISTORIANS AND ETHNOGRAPHERS: ON THE CHARACTERISTICS OF A LOCAL ETHNIC GROUP

Abstract. The article attempts to describe the cultural and ethnic distinctiveness of the Kuznetsk Teleut who represent a territorially separate group of Teleuts, one of the smaller indigenous peoples of Siberia. It traces the specifics of the local development of this group in the 20th-21st centuries. The research draws primarily on archival sources containing records and fieldnotes of ethnographers studying the Altai region, such as A.V. Anokhin, P.I. Karal'kin, and A.G. Danilin, and the own fieldwork materials of the author.

Keywords: Kuznetsk Teleuts; Local Ethnic Group; archival sources; A.V. Anokhin; P.I. Karal'kin; A.G. Danilin; fieldwork materials.

Структурными составляющими телеутского этноса¹ являются локальные подразделения, наиболее крупные из которых в XVIII–XX вв. были представлены четырьмя этнографическими группами: бачатской, томской, чумышской и алтайской [1, 2]. В то же время у телеутов имелись и более мелкие территориальные сообщества, отличающиеся культурной самобытностью. Ядро одной из таких этнокультурных подгрупп, условно названной в данной статье *кузнецкой*, издавна составляли жители старинного селения Телеуты (Том-аал, Средний Телеут, Средне-Телеутский улус, Орто-аал²), вошедшего в советское время в черту города Новокузнецка³.

В статье представлены разнообразные сведения о *кузнецких телеутах*, содержащиеся главным образом в полевых дневниках, отчетах и

записках историков и этнографов, работавших среди них. Основную источниковую базу статьи составили архивные документы XVIII–XX веков, а также полевые материалы автора.

Одним из первых исследователей, обративших внимание на *кузнецких телеутов*, был руководитель Академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) Герард Фридрих Миллер (1705–1783), побывавший у них в 1734 году. В своем дневнике ученый оставил такую запись: «Ездили мы верхом в находящиеся неподалёку от города [Кузнецка – Е. Б.] три места: в первое место езда наша была к телеутским татарам, или к так называемым белым калмыкам⁴, которые жительство имеют от города в 14 верстах, вниз по реке Томи, около села Ильинского» [5, л. 64].

¹ Телеуты – тюркоязычный народ, близкий по происхождению и культуре алтайцам. По переписи 2010 года телеуты насчитывает 2 643 человека. Проживают преимущественно в Кемеровской области. Входят в Перечень коренных малочисленных народов РФ.

² В документах XVII в. упоминается телеутский аймак Ортогой. См. [3, л. 1 – 1 об.].

³ История Новокузнецка восходит к 1618 г., когда томские казаки основали на р. Томи Кузнецкий острог (Кузнецк), получивший в 1622 г. статус города, ставший с 1823 г. центром Кузнецкого округа (позднее – уезда) Томской губернии. С 1931 г. – Новокузнецк, с 1932 г. – Сталинск. С 1961 г. – снова Новокузнецк. В настоящее время второй по численности населения город в Кемеровской области, крупный промышленный центр.

⁴ Белые калмыки – имя, под которым телеуты и близкие им кочевые группы фигурировали в XVII–XVIII вв. в российских документах. См. [4].

В статистических документах XVIII–XIX вв. регулярно приводились сведения о численности сибирских «инородцев» в различных волостях и селениях, в том числе и в Средне-Телеутском улусе, где, по официальным данным начала 1890-х годов, числилось 120 мужчин и 119 женщин [6, л. 17–18].

Наиболее подробные этнографические характеристики *кузнецких телеутов* принадлежат исследователям XX века. В 1910-х годах ученые фиксировали утрату этой телеутской группой многих этнокультурных традиций. Так, композитор и этнограф Андрей Викторович Анохин (1869–1931) отмечал признаки «обрусения» *кузнецких телеутов*, наиболее наглядно проявившиеся в их материальной культуре и образе жизни: «У *этих инородцев почти вся старина утрачена благодаря близости своей к русским. Из всех вещей, которые мы видели, только на женских рубашках остались воротнички со значительно бедным орнаментом. Все остальное: костюмы, мужские и женские, домашняя утварь, хозяйственные принадлежности – здесь усвоено русское*» [7, л. 9].

По свидетельству Анохина, телеуты (вместе с проживавшими по соседству с ними шорцами и русскими крестьянами) активно участвовали в ежегодных ярмарках, приуроченных к православным праздникам: «*Жители Кузнецкой тайги около Троицына дня (в девятую пятницу после Пасхи¹) спускаются на лодках по Томи и Кондоме в г. Кузнецк. В этот день в город приносят чтимую икону Св. Ильи Пророка из Ильинского села, а вместе с тем сюда стекаются из окрестных сел крестьяне и инородцы – телеуты. Этот народный праздник с утра начинается общим молебном на площади, на котором присутствуют и русские, и инородцы. Крещеные и некрещеные по установившейся традиции получают свечи и ставят их перед иконой. После молебна начинается торговля. Приезжие приводят и продают лошадей, а кузнецкие инородцы – главным образом рыболовные снасти, холст, шкуры*» [7, л. 66].

А.В. Анохин обратил внимание на то, что «на праздниках христианских присутствуют и представители шаманского культа: камы и камки» [8, л. 10], услугами которых местные «инородцы» пользуются в повседневной жизни. О телеутских и шорских шаманах Анохин неоднократно упоминает в полевых дневниках: «*Под вечер мы приехали к телеутам-старожилам, живущим в 12 верстах от г. Кузнецка по р. Томи <...>. Здесь*

телеуты крещеные. Камлают при болезнях. Для этого приглашают и своих камов из Бачата, и шорских <...>. В наш приезд у них были приглашены два кама шорцев: Иван – из с. Обинцы и Осип – из деревни <...> на Кондоме» [9, л. 17]. Тем не менее ученый предрекал полное исчезновение в ближайшем будущем этнических традиций у местных телеутов, считая, что «здесь старина татарская доживает последние свои дни».

Весьма информативные сведения о *кузнецких телеутах* приводит ленинградский этнограф Петр Иванович Каралькин (1908–1990), посетивший их селение летом 1954 года во время командировки в г. Сталинск. Отчет Каралькина² об этой поездке содержит колоритные зарисовки быта местных телеутов, причем исследователь обращает особое внимание на его обустроенность: «*Мне удалось побывать у телеутов, живущих от города Сталинска в 8 км, в аиле Телеуты (к-з им. Сталина) Антоновского с/совета. Прежде аил Телеуты назывался Том-аал, а шорцы называли [его] Ортого-аал <...>. В аиле Телеуты около 100 домов. Колхоз имеет электромельницу, сушилку, скотный двор, птицеферму, клуб, начальную школу. Колхозное хозяйство и дома колхозников с 1947 г. электрифицированы. С 1949 г. каждый колхозник имеет радио. Почти у каждого дома баня, колодец для питьевой воды. Имеются огороды и сады из ранет, черемухи, малины; в огородах сажают картофель, огурцы, табак, капусту.*

Дом, где я ночевал, принадлежит пожилым телеутам. Старик Гр. Фед. Парасенков имеет большой огород, одну корову, две свиньи, кур. На окнах дома белые занавески, цветы (герань, фикус, табак и др.). На стене много фотоснимков, в числе которых выделяются два мужских портрета. Это два погибших сына на фронте в 1942 году. Я заходил в другие дома. Всюду соблюдается чистота и опрятность» [10, л. 21–22].

П.И. Каралькин отметил эффективную шефскую помощь, оказываемую жителям телеутского селения кузнецкими горняками: «*В те дни, когда я был в этом аиле, там на уборке урожая работало много рабочих из ближайшей шахты “Абашево II”. Оказывается, это шефы. Они сюда провели электричество, радио. При мне строили огромное овощехранилище, основа которого делалась из рельсов» [10, л. 22].*

Ученый обратил внимание на то, что местные телеуты владеют родным языком и носят свою национальную одежду: «*Когда узнали, что у меня*

¹ Девятая пятница после Пасхи у православных – День памяти Великомученицы Параскевы Пятницы.

² Отрывки из отчетов П.И. Каралькина приведены в статье с сохранением стиля и орфографии автора.

имеется фотоаппарат, то <...> пожелали сфотографироваться в праздничном или свадебном костюме» [10, л. 22].

Сохранившиеся у телеутов традиционные обычаи и обряды Петр Иванович определил как «пережитки прошлого». Он рассказал о бытующих старинных ритуалах, привел местные фольклорные истории, связанные с предметами культа, обратил внимание на межпоколенные различия в восприятии религиозных традиций: «Наряду с новым бытом, электросветом, радио, клубом и школой в аиле сохранились пережитки прошлого. Бросаются в глаза культовые сооружения из березок <...>. Их телеуты называют “сомдор”. Одни березки приставляются к изгороди, другие – выделяются в специальных стойках. Назначение сомдоров – это охранение благополучия дома, двора. Устраиваются “сомдор” весной.

У некоторых телеутов на чердаке дома хранятся “эмегендер” – куклы и лоскуты холста с изображением человеческой личины. Эти эмегендеры¹, в переводе на русск. яз. – “старушки”, иногда называют “кыстар” – девушки. Количество кукол разнообразно – от 2-х до 16-ти штук. Обладатели этих эмегендеров неохотно их показывают. Одна пожилая женщина сказала: “Не надо их трогать, иначе могут запросить жертву. Прежде, если запросят, можно было принести овцу, а теперь этого сделать нельзя, овца-то колхозная, лучше их не беспокоить”. Другая говорила, что эмегендеры требуют к себе внимания. Тут как бы правдоподобный факт она рассказала: “У одной женщины болела голова, особенно боль ощущалась в глазах. Тогда она достала эмегендеров. Оказалось, что у одной куклы выпали глаза (глаза обыкновенно состоят из белого, черного, синего бисера). Как только были вставлены (пришиты) глаза, больная почувствовала себя лучше”. Всему этому верят люди пожилые. Молодежь ко всем этим обрядам относится с улыбкой.

Бригадир колхоза Парасенков, чтобы показать мне содержание мешка, выждал, когда мать уйдет в огород, залез на чердак и снял мешок с эмегендерами. В стороне от дома, под навесом, мы рассмотрели все, что находилось в мешке. Выяснилось, что в мешке находятся эмегендеры нескольких поколений. Холстины с изображением человеческих личин имеют 8 слоёв. Нижний – самый ветхий – очевидно, первоначальный экземпляр. Здесь же были маленькие шаманские бубны, развилины, обтянутые красной или белой материей с наши-

тыми куриными перьями, называемые “учатан неме”, т. е. летающее существо. Здесь же обнаружилась необычайная деревянная фигура, назначение которой бригадир не мог объяснить <...>. Когда мешок с эмегендерами был водворен на место, я обратился к хозяйке с вопросами. Но хозяйка, не подозревая нас в похищении её эмегендеров, старалась не говорить о них.

От других телеуток узнал, что эмегендеры – это охранители дома от различных недобрых духов. Бубны означали как принадлежность эмегендеров. Прежде шаман имел бубен, а теперь эмегендеры сами могут шаманить на этих бубнах. “Учатан неме” (летающее существо) помогает от болезни зубов, уха, глаза» [10, л. 23–24].

Каралькин упомянул в отчете и о своих впечатлениях от общения с бачатскими телеутами²: «В Сталинске, в музее, на колхозном рынке, мне удалось беседовать с телеутами из аилов Шанда (Шанды), Челухоево (Сакуртай), Большой улус (Улуг-ааль), Чарта (Чарту), Верховская (Сасааль – “болотистое место”) Гурьевского района. Женщины-колхозницы были одеты в национальные платья. Свободно разговаривали на русском языке. Я также свободно разговаривал с ними на кумандинском наречии» [10, л. 21].

Следующая встреча П.И. Каралькина с телеутами состоялась в 1970 году, во время очередной командировки в Кемеровскую область. К этому времени в ходе интенсивной индустриализации Кузбасса он превратился в весьма развитый промышленный регион. Преобразования, в том числе административные, существенно и в определенной степени деструктивно повлияли на привычный образ жизни и быт шорцев и телеутов. Возможности их традиционного природопользования ограничились. Пренебрежение собственными этническими традициями, родным языком для части коренного населения постепенно становилось нормой. Эти и подобные процессы отмечены П.И. Каралькиным в его служебном отчете, выдержки из которого приведены ниже:

«С изменением административного устройства, несомненно, произошли изменения в социальной структуре шорского сельского населения. Этому способствовало увеличение населения за счет прибывших извне. В связи с упразднением колхозов и совхозов стали распадаться мелкие поселения. Население последних вынуждено искать заработки в ближайших рудниках, шахтах и строительных объектах. Многие шорцы переш-

¹ Об эмегендерах см. также [11, 12, 13].

² О бачатских телеутах подробнее см. [2]. В ряде работ кузнецких телеутов относят к бачатской группе.

ли на работу в леспромхозы. По существу, переход шорцев в промышленную зону является фактором огромной важности в процессе изменения национальных особенностей <...>. Несколько лет тому назад ставился вопрос об обучении детей на шорском языке, но шорское население не нашло в этом необходимости» [14, л. 8–9].

Об изменениях, происходивших в этот период в жизни непосредственно кузнецких телеутов, П.И. Каралькин сообщил следующее: «В 8 км от г. Новокузнецка телеутское селение Телеуты, прежнее название Орта-аал. Здесь 60 дворов, в том числе 8 дворов с русским населением. В этом селе мне приходилось бывать в 1954 г. Тогда в Орта аале проживали только телеуты, был колхоз им. Сталина. Поездка в Орта аал была вызвана тем, что я был информирован об исчезновении этого чисто телеутского поселения <...>. Меня интересовал вопрос, куда девались телеуты, уехали в другое селение либо влились в состав рабочих нового сибирского металлургического комбината. Все же более 70 дворов было тогда. В 1954 году я наблюдал сохранившиеся некоторые национальные самобытные занятия (ткачество), ритуальные обряды, вроде “Сомдор”, свадебный обряд. Около дома стояли молодые обрядовые березки, на чердаках висели в мешочках “эмегендеры”. Все женщины и дети были одеты в телеутские платья. Вот почему возможность посещения этих знакомых телеутов мне казалась весьма интересной.

Оказалось, улус Орта-аал пребывает в полном порядке. Только здесь не колхоз, а рабочий поселок со своими обширными усадьбами и добротными домами.

Солнечный осенний день. Некоторые старики сидели на лавочках около дома, другие были заняты ремонтом надворных построек. Снова я заметил ритуальные березки “сомдор”. Пожилые женщины были одеты в телеутскую одежду.

Около 18 часов группами возвращались молодые люди с работы. Они работают в разных цехах нового комбината. Многие из них закончили ПТУ, некоторые продолжают учебу в вечерней школе. Через час на улице я видел нарядную молодежь, они, заинтересовавшись нашей беседой, совершенно непосредственно приняли участие в переводе некоторых терминов, помогая при этом старикам. Около 21 часа все же я вынужден был покинуть своих гостеприимных телеутов.

Во всех селениях: шорских и телеутских <...> – наиболее постоянными являются усадьбы, но они не повторяют усадьбы доколхозного периода <...>

В связи с ограничением земли сельская усадьба получила определенную конфигурацию» [14, л. 8–10].

Таким образом, П.И. Каралькин, отметив воздействие индустриального развития Кузбасса на образ жизни и культуру коренных жителей, обратил внимание на то, что это воздействие не имело у телеутов столь разрушительных последствий для традиционной культуры, как у их соседей – шорцев.

Проводя экспедиционные исследования в Кемеровской области в 1970–2000-е годы, я несколько раз побывала у кузнецких телеутов. Меня интересовали формы и особенности их самоопределения, родовой и фамильный состав, степень сохранения ими этнической культуры, локальная специфика этой культуры, а также характер их взаимоотношений с русскими и шорскими соседями.

Выяснилось, что у кузнецких телеутов наиболее распространенными этнонимами, используемыми для самоназвания на родном языке, являлись теленэт и татарлар, что было характерно и для населения других телеутских групп. В беседах со мной высказывались суждения о единстве этнического происхождения и о культурной идентичности всех телеутов, независимо от места их проживания: «Наш народ назывался раньше притомскими ясачными татарами <...>. Основной костяк телеутов находится в Белово¹. Там наши предки. Разговорность у нас с ними сходится и обычаи сходятся. Родина нашего народа – Притомье. К казахам не относимся, к киргизам не относимся, к алтайцам – тоже <...>. Национальность сейчас у нас теряется. Алтайцы – это другой народ. Разговорность у нас хотя и сходится, но мы другие люди, мы отдельная национальность – притомские телеуты, может быть, когда-нибудь вышедшие из киргизов, алтайцев, но об этом не доказано» [15, Алтарышев Д.С.].

Этнонимы, которые кузнецкие телеуты использовали для самоопределения на русском языке в паспортах и других документах, обычно не совпадали с самоназваниями, бытовавшими на родном языке: «Наша нация вообще называется телеутицы, а уж кто как хочет, так и напишет, кто татарин, кто алтаец» [15, Поросенкова А.М.]; «В паспортах татарами пишемся. Теленэт называем друг друга только между собой» [15, Алтарышев Н.К.]. Среди своих этнических предков указывали «белых калмыков»: «Мы теленэткыжи, теленэтэр, мы – от белых калмыков» [15, Сатина П.М.].

¹ Белово – город в Кемеровской области; в состав Беловского района административно входят селения бачатских телеутов.

Неопределенность официального этнического имени, характерная для всех телеутов, связана с отсутствием у них до 1989 года статуса самостоятельного народа. Что касается *кузнецких телеутов*, то русские соседи называли их преимущественно татарами или шорцами: «Русские зовут их татарами. "Куда пошел?" – "В татары". Тот конец деревни – всё татары. Шорцы они, по-моему, все. Они все, по-моему, одного племени» [15, Е.Г.].

Сами *кузнецкие телеуты* четко отграничивали себя от шорцев: «Русские многие нас шорцами называют, а здесь всего четыре семьи жило шорцев. У них и обычаи другие совсем» [15, Поросенков М.А.]; «Шорцы всегда и одежду-то носили русскую. Это наш народ – модный народ, свою одежду носит» [15, Поросенкова П.П.]. В местном фольклоре встречались насмешливые поговорки, юмористические байки, в которых телеуты противопоставляли себя шорцам. Так, мне неоднократно рассказывали байку о том, как у шорца перевернулся воз с сеном и он никак не мог его поднять, но шел мимо татарин (телеут) и одной рукой поднял воз [15].

У телеутов разных территориальных групп издавна распространены названия и самоназвания, связанные с месторасположением их селений. Так, *бачатских телеутов* именуют «паят», «паяты» – от названия рек Большой Бачат и Малый Бачат, *кузнецкие телеуты* называют себя «томдор», «том», «томь» – по наименованию реки Томи: «Паят – это бачатские, а мы – том, но мы не отличаемся от них» [15, Алтарышев Н.К.]. Телеутов Алтайского края называли *йыш-ол-йаны* («йыш ол йан» – «за тайгой»): «Там одна деревня, от станции Заринской¹ недалеко. Сейчас их переселили <...>. Они йыш - ол - йаны <...>. Маленько отличаются от нас. Ударения у них в словах по-другому» [15, Алтарышев Н.К.].

Родовое самосознание сохранялось, и свой род – *сеок*² (кость), как и повсеместно у телеутов, у *кузнецкой* их группы был «шибко в почете»: «У меня кость – *тодош*» [15, Алтарышев Д.С.]; «Наш Мундус-сеок, и на Алтае много у нас родни. Алтайцы сеока Мундус шибко родню помнят. Они раньше к нам приезжали. Этот сеок у нас с алтайскими один. Мундус – это зверь, и не так большой, и не так маленький» [15, Поросенкова А.М.].

Тем не менее родовой и фамильный состав *кузнецких телеутов* имел некоторые отличия от

других групп. Происхождение наиболее распространенных местных сеоков и фамилий *кузнецкие телеуты* связывали именно со своей группой, со своим селением. Таковым было, например, по мнению местных жителей, происхождение названий сеока Чалмалу и фамилии Поросенковы³ (Парасенковы): «Наша Поросенкова порода, по-татарски – Чалмалу <...>. Раньше не по фамилиям, а по сеокам роднились, а стали крещеными – стали разбираться, какая у кого фамилия» [15, Поросенкова П.П.]. Бытовало несколько фольклорных версий происхождения фамилии Поросенковы: «Деревня наша затерявшаяся была – никто не заезжал. Приехал русский купец, спрашивает: "Что за деревня?" По-русски никто не знал. Как ответить? Увидел купец: поросенок бежит. Так и записал: "Поросенковы здесь живут"» [15, Поросенков М.А.]; «Не знаю, то ли на нашей деревне девка без отца, без матери росла. Негде было жить. Беременная. Где поросят держат, конурка была. Там она родила парнишку, записали его Поросенковым. Так и пошли Поросенковы» [15, Поросенкова А.М.]. Название сеока Чалмалу некоторые связывали со словом «чалма»: «Мои предки, если рождался сын, ему дарили жеребца. К 12 годам целый табун получался. Чалмалу – наш сеок. Одни говорят, что это пастухи мы были, с чалмой» [15, Поросенков М.А.]. Другие считали, что имя сеока Чалмалу связано с названием телеутского халата – *сырмал* [15, Поросенкова А.М.].

Местное происхождение народная этимология приписывала также фамилиям Тыдыковы и Кармыжаковы⁴, относящимся к сеоку Чорос: «Тыт – по-нашему, лес (лиственница). Раньше у нас фамилий не было. Они решили: "Здесь лес хороший. Пусть наша фамилия так будет – Тыдыковы"» [15, Поросенкова А.М.]; «Дедушка рассказывал. Когда первоначальная перепись была, старик сидел под деревом тыд. Спрашивают: "Как твоя фамилия?" Он не понимает. Показал на дерево и сказал: "Тыд, тыд, тыд". Его так и записали Тыдыковым. Тыдыковы от дерева» [15].

Мои полевые данные о толковании *кузнецкими телеутами* происхождения некоторых местных фамилий и родовых имен созвучны сведениям этнографа Андрея Григорьевича Данилина (1896–1942), записанным от телеута Андрея Кармыжакова: «Сеок Чорос – выходец из киргизов, был у них

¹ Станция Заринская была образована в 1952 году. С 1958 года – рабочий поселок Заринская, с 1979 года – город Заринск. Телеутское селение, о котором упомянул мой информант, называлось Кызыл-улус.

² Сеок (кость) – род. О телеутском роде (сеоке) и его подразделениях см. [16, 17].

³ В документах XVII в. упоминается телеутский паштык Парасенков. См. [18, л. 226, 227 и др.].

⁴ Фамилия Кармыжаков весьма распространена у разных групп телеутов. В документах начала XIX в. упоминается телеутский «башлык» (паштык) Кармыжаков. См. [18, л. 226, 227 и др.].

пастухом, думал, думал – какой же интерес чужую скотину пасти, и убежал в Кузнецк, оттуда в лиственный лес, а там остановился, поставил дом и женился на телеутке. Его звали Чорос. Пошли сыновья <...>. Тыт – лиственный лес. Отсюда фамилия <...> Тыдыков. У него был сын Кармыж. Кармыж женился семь раз, бросал семью и уходил, заводил новую, поэтому много детей» [19, л. 205].

Нормы родовой экзогамии кузнецкие телеуты соблюдали, хотя у них встречались случаи ее нарушения.

Рассказывая о прошлом, пожилые телеуты упоминали «ясачных русских». Так они называли своих соседей – жителей деревни Козымай: «Ясачные – это то ли наша нация была, то ли нет <...>. Через мост деревня Козымай, там русские жили, писались ясачными, их в армию тоже не брали» [15, Поросенкова А.М.].

Использование понятия «ясачные русские» восходит к XVIII – началу XIX в., когда «телеутские инородцы», принявшие крещение, нередко вынуждены были по требованию своих сородичей-шаманистов жить отдельно от них, образуя по соседству выселок, иногда перераставший в особое селение. Такие селения, как и их жителей, называли соответственно «Кресту», «кресту» (крещеные). В официальных документах крещеные телеуты значились «инородцами», и на них распространялись сословные льготы. Раздельное проживание способствовало культурному обособлению «кресту» от шаманистов и активизировало процессы их обрусения.

Тем не менее многие хозяйственные вопросы и шаманисты, и «кресту» решали сообща. Старикителеуты, предаваясь воспоминаниям о сельских сходах доколхозного времени, рассказывали: «До переворота общество собиралось вместе с деревней Козымай. Все неграмотные. Решали, кому надел (покосы, пашню) дать. Если голодовка, решит собрание, кому помочь надо. Помогали. С русскими жили дружно <...>. Хлеб сеяли не все. Половина населения не сеяли. Зимой – овчины, летом мех продавали. А бедные – лето и зиму на заработках» [15, Шабин В.М.]. В подтверждение добрососедских отношений телеуты вспоминали также, как в периоды эпидемий и эпизоотий русские соседи, верившие в эффективность традиционной лечебной магии телеутов, обращались к ним за помощью: «Пошла лошадиная болезнь. В русских деревнях: Ильинке, Бедарева – лошади гибли. А у нас в деревне ни одна лошадь не пропала. Ильинские нам говорили: “Если будете «делать», и нам «сделайте». Мы вам даром за это лошадь дадим”» [15, Поросенкова А.М.].

Несмотря на очевидную утрату кузнецкими телеутами многих этнических традиций и активизацию этой тенденции, культурное наследие сохранялось не только в памяти, но и во многих сферах жизни. Мне рассказывали о бытовании в селении в недавнем прошлом обрядовых весенних игр – *табыр*, о коллективных осенних угощениях по случаю забоя скота: «Когда к зиме скотину режут, тутмаиш (национальное блюдо телеутов – Е.Б.) делают и родню приглашают, не только родню, но и соседей. В одной деревне все родня. Всю деревню объезжали <...>. Только на мясо приглашали. Когда начинали сеять, урожай собирать, не отмечали» [15, Сатина П.М.]. Особое внимание на традиционных церемониях уделялось старейшинам сеоков: «Свой обычай пока кладём. Барана закололи – угощаем. Целый баран сразу съедаем. Свой сеок угощаем. Все придут с подарками. Поросенковой породе самому старшему на дом несут еды. Три старика у наших было в деревне, и им – почёт. Обязательно домой им несут. В сеоке кто старший, тому почёт» [15, Поросенкова А.М.].

Бытовали представления о богатыре Шуню – мифологическом предке телеутов: «Шуню – наш татарский как поп был раньше. Наш национальный самый большой начальник. Камлаешь сейчас – Шуню тоже вспоминаешь. Его фамилия не умрет. Шуню мы помним» [15, Поросенкова А.М.].

Многие из телеутов обнаруживали знания правил общения с такими обрядовыми атрибутами, как *сомдор* и *эмегендер*: «Сомдор – шесть берёзок надо. Пять отдельно и одна отдельно. Их обновляют каждый год весной, перед Троицей. Молоком брызгают. Только мужчины могут или старые женщины. Старые березки сжигают. Когда скотина была, на сарай кидали, а теперь сжигают. Сом помогает больше мужчинам. Он охраняет от несчастных случаев: от машин <...>, от всякой нечисти.

Когда овечек заколют, эмегендер кормят. Здесь, в музее, так чашка и ложка перед ними» [15, Сатина П.М.].

В то же время ряд местных телеутов, с которыми мне довелось общаться, воспринимали и православие как «свою веру» или как веру своих родителей. 82-летняя А.С. рассказывала, что никогда не была в церкви, но считает себя «верующей», в ее доме, в красном углу, размещены иконы: «Мы крещеные. А вот в Белово они некрещеные татары. У нас вера вся русская <...>. Муж коммунист был, парторг был. На собрании сказывал из райкома секретарь: “Ты свои иконы убирай”, – на мужа. А он сказывал: “Ну, маму мне

тогда тоже выгнать надо?!<...> Раз Бога уберу, маму выгнать надо!» [20, А.С.]. Когда в деревню по чьей-либо просьбе приезжал шаман и устраивал ночью камлание, А.С. просила мужа стрелять из ружья, чтобы «отпугивать от дома злых духов».

Показательны суждения некоторых женщин-телеуток о своей национальной одежде: «В русской одежде – как будто бедная, а в своей – богатая, весёлая. Дочка моя в 14 лет попросила: “Мамка, шей!”» [15, Сатина П.М.].

Некоторые из женщин постоянно носили национальную одежду: «Мне муж не разрешал русское надевать <...>, он не стыдился. Нехорошо национальной одежде своей стыдиться <...>. Шубу надену татарскую или сырмал, пойду на стройку – никто даже не удивляется. Вот раньше, вперёд войны, москвичей переселили. Как пойдёшь, “цыганка”, “киргизка” – всяко обзывали. А сейчас – никто. Я всё время так – в своей одежде хожу» [20, Сатина А.П.]. Примечательно, что у телеутов, проживающих в Горном Алтае, я встречала несколько иное отношение к своей национальной одежде: «В Бачатах свою одежду носят. А у нас только хранят. Мне подарили, и сейчас лежит. Куда я надену?!» [21, Шадеева Н.С.].

Разговаривая со мной, «кузнецкие телеуты» часто рассуждали о прежней колхозной жизни: одни рассказывали, как их родители в период коллективизации «бегали от колхоза», переселяясь в другие места, другие вспоминали о своем распавшемся колхозе с теплом и ностальгией: «Раньше, вперёд войны, в послевоенное время, у нас деревня большая была. Тот край – русские жили – Козымай. Но колхоз-то один был. Имени Сталина. Весёлая деревня была у нас. Клуб был, скотный двор, конный двор построили. В 1957 г. эта стройка откуда-то пришла, посеянный овёс стоптали, колхозу деньгами, наверное, заплатили. И всё растащили – кто куда» [20, Сатина А.П.].

При сохранении кузнецкими телеутами традиционного фольклора, в том числе о богатыре Шуню, у них бытовал и русский песенный фольклор, например частушки, посвященные Кузнецкому металлургическому комбинату – КМК:

*Вредный дым от КМК
Не очищается пока,
Пока не очищается,
Только обещаются.*

*Обещают десять лет,
Но никакого сдвига нет.
Люди нюхают и дохнут,
И машины часто глохнут [15].*

Характерно, что экологические проблемы Кузбасса в 1990–2000-е годы некоторые телеуты связывали с легендарными предсказаниями богатыря Шуню о «последнем времени» и «конце света»: «Западносибирский металлургический комбинат может провалиться сквозь землю. Почему? Есть две причины. Во-первых, есть древняя легенда телеутского народа. На этом месте тогда еще не было ни города, ни завода, но говорили камы наши, что на этом месте будет большой город – тура. Придет “последнее время” <...>, вернется Шунюхан, и, когда он обратится к русскому царю и русский царь нам не поможет, тогда духи нашей земли и духи наших предков уничтожат этот город – город уйдет под землю. А сейчас пишут о том, что неблагоприятный регион» [22, N].

Экологические, экономические, социальные проблемы 1990-х годов, затронувшие все телеутские группы, в том числе (в весьма значительной степени) кузнецкую, освещены в обстоятельной статье Д.А. Функа [23]. Надежды на улучшение ситуации, связанной с трудностями перехода к рыночным отношениям, некоторые из телеутов также возлагали на Шуню [24].

С середины 1990-х годов изучение этнолокальной группы кузнецких (новокузнецких) телеутов интенсивно продолжается, о чем свидетельствуют публикации о результатах проводимых среди них демографо-генеалогических исследований [25].

Вопреки высказываемым в начале XX века предположениям о грядущей в ближайшие годы полной утрате этнических традиций кузнецкими телеутами, их локальная этнокультурная специфика продолжает сохраняться как в исторической и генетической памяти, так и в традиционных особенностях культуры, быта и самоопределения.

Список источников

1. Батянова Е. П. Этнографические группы телеутов в XIX веке. Деп. в ИНИОН. 1979. № 4188.
2. Функ Д. А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М.: ИЭА РАН, 1993. 325 с. (Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 17. Кн. 2).
3. РГАДА. Ф. 130. Оп. 1. Ед. хр. 4.
4. Уманский А. П. К истории появления «выезжих белых калмыков» (телеутов) в сибирских уездах в XVII в. // Научные труды НГПИ, 1970. Вып. 45: Из истории Западной Сибири. С. 3–21.

5. СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Ед. хр. 144.
6. ГААК. Ф. 4. Оп. 3. Ед. хр. 1935.
7. Архив ГМАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 38: Анохин А. В. Шорцы. Материальный быт, 1916–1917 г. Черновик.
8. Архив ГМАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 71: Анохин А. В. Разные заметки, 1916 г., Томск.
9. Архив ГМАЭ Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 52: Анохин А. В. Дневник. 0.7.06 – 07– 08 1913 г.
10. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 1165: Каралькин П. И. Отчет о поездке в г. Сталинск. 1954 г. 24 с.
11. Дыренкова Н. П. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков (духи emegender – ogokeper) // Памяти В. Г. Богораза (1865–1936): сб. статей. М.; Л., 1937. С. 123–145.
12. Дыренкова Н. П. Материалы по шаманству у телеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. С. 107–190.
13. Батьянова Е. П. Культ эмегендеров у телеутов // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 119–124.
14. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 1663: Каралькин П. И. Отчет о научной командировке в Кемеровскую область в 1970 году.
15. ПМА 1977. Пос. Телеуты / Новокузнецк: Алтарышев Д. С., 44 года; Алтарышев Н. К., 49 лет; Е. Г., 65 лет; Поросенков М. А., 45 лет; Поросенкова А. М., 85 лет; Поросенкова П. П., 73 года; Сатина П. М.; Шабин В. М., 70 лет.
16. Батьянова Е. П. Структура телеутского сеока // Полевые исследования Института этнографии. 1983. М., 1987. С. 55–66.
17. Батьянова Е. П. Род и община у телеутов в XIX – начале XXI века. М.: Наука, 2007. 395 с.
18. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Ед. хр. 277.
19. СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 101.
20. ПМА, 2004. Пос. Телеуты / Новокузнецк: А. С., 82 года; Сатина А. П., 82 года.
21. ПМА, 2003. Республика Алтай, Шебалинский р-он, с. Улус-Черга: Шадеева Н. С., 50 лет.
22. ПМА, Москва, 1993, № 32 года.
23. Функ Д. А. Формирование новых этнических идентичностей у тюрков юга Западной Сибири в 1980-е – первой половине 1990-х годов (на примере бачатских телеутов) // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 109–128.
24. Батьянова Е. П. Телеутская версия бурханизма // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 70–85.
25. Анализ генетико-демографической структуры новокузнецких телеутов / Ф. А. Лузина, А. В. Дорошилова, В. В. Захаренков, О. Е. Лотош // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: сборник научных статей по итогам Всероссийской с международным участием конференции / отв. ред. В. В. Поддубиков. Кемерово, 2014. С. 236–242.

Список сокращений

- ГААК – Государственный архив Алтайского края.
 ГМАЭ – Государственный музей антропологии и этнографии им. Петра Великого.
 ИНИОН РАН – Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук.
 ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.
 ПМА – Полевые материалы автора.
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 РЭМ – Российский этнографический музей.
 СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

Статья поступила в редакцию 19.06.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 19.06.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 23.06.2023.